

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№. 4230.

Воскресенье, 15-го Февраля 1898 г.

№. 4230.

ВЪ ВОЛЫНИЦѢ.

Рассказъ Ф. Шанца.

(Съ иллюстраціею).

Въ предмѣстьи небольшого города переѣхали маленькую дѣвочку, какъ разъ поровнившись съ кустикомъ скороспѣлокъ въ рукѣ, перебѣжать черезъ дорогу между двумя быстро мчавшимися дрожками.

Кто-то изъ проходившихъ поднялъ дѣвочку: ея лѣвая рука безвильно повисла, изъ маленькой

своей бѣлой больничной кофточкѣ, лежала, съ ужасомъ въ глазахъ, на кафтчатыхъ подушкахъ коротенькой дѣтской кроватки.

Молодой докторъ и сестра милосердія, въ бѣломъ передникѣ и черномъ платкѣ, стояли справа и слева возлѣ нея. Осмотръ и операція были окончены. Рука оказалась переломленной, и ее пришлось загипсовать. Догадкіе дни болѣзни и терпѣнія предстояли маляуткѣ.

Она, должно-быть, дегадалась объ этомъ по рѣчамъ доктора и сестры.

Только что очутившись, она спросила про свои скороспѣлки и, не узнавъ ничего, горько заплакала. Она упрямилась и ни за что не хотѣла

Докторъ рѣшилъ, однако покончить съ маленькой упрямой пациенткой. Черная дощечка въ головѣхъ кровати была еще пуста; очень серьезно и рѣшительно онъ спросилъ больную въ третій разъ, кто она. Надо-же ему извѣстить ея родныхъ.

— Никакъ нельзя сказать!—отвѣтила дѣвочка наотрѣзъ.— Не скажу, и не могу сказать.

Молодой медикъ взялъ ее съ отеческою рѣзкостью за здоровую руку.

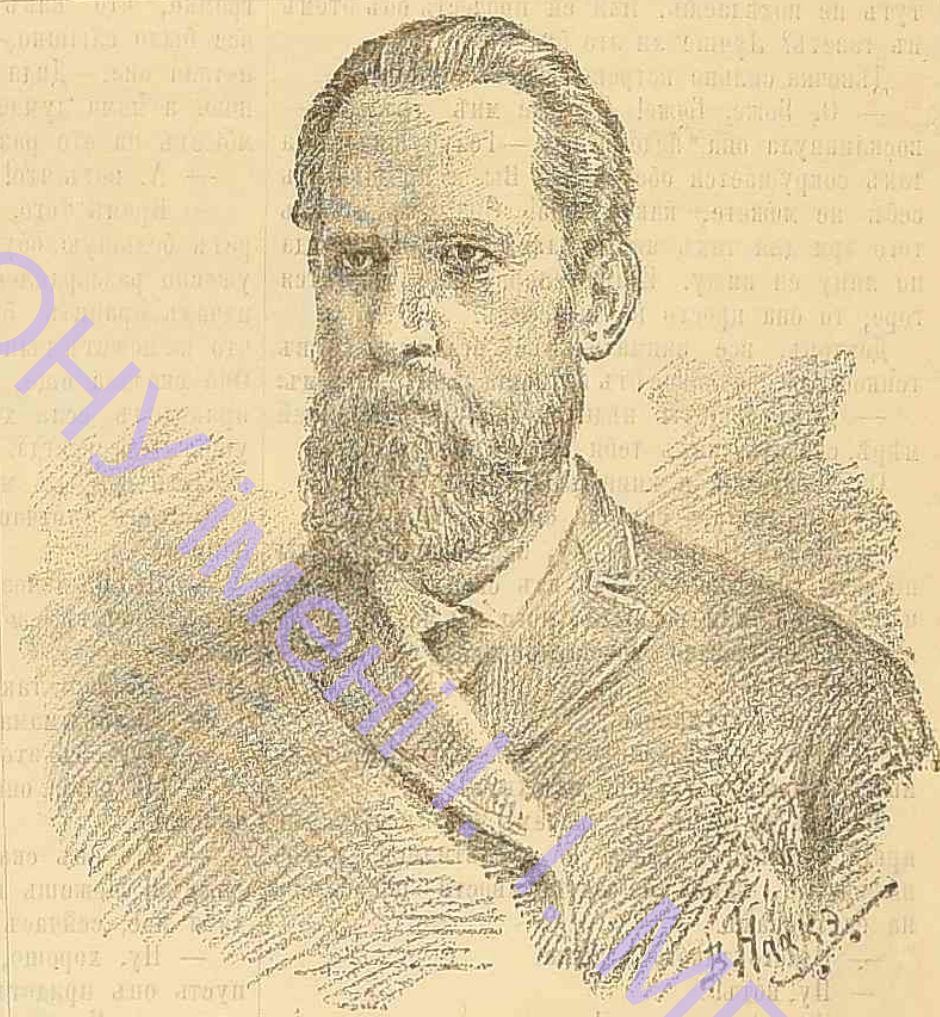
— У тебя отецъ и мать еще живы, дити мое?

Дѣвочка угрюмо взглянула на него.

— Нѣтъ; жива только моя милая, милая мама!

Высокопреосвященнѣйшій СЕРГІЙ,
митрополитъ московскій и коломенскій,
почившій 11-го февраля 1898 г.
(Съ фотографіи Чеховскаго въ Москвѣ).

Николай Павловичъ Боголповъ,
управляющій министерствомъ народнаго
просвѣщенія.
(Съ фотографіи Г. В. Трунова въ Москвѣ).

ранки въ головѣ струилась алая кровь по тонкому безжизненному лицу, по шелковистымъ русымъ волосамъ.

Вмигъ собралась кругомъ толпа любопытныхъ.

— Господи,—раздались возгласы состраданія, —этакая хорошенькая дѣвочка!

— Да кто же она?

Никто этого не зналъ.

Полицейскій уложилъ, наконецъ, блѣднаго, какъ смерть, безчувственнаго ребенка на дрожки и отвезъ его въ больницу.

И вотъ, очутившись отъ дѣйствія ледяныхъ компрессовъ и успокоительныхъ капель, она, въ

сказать, кто ея родители, гдѣ она живетъ, какъ ее зовутъ.

— Не могу. Нѣтъ, не могу! — все твердила она.

Потомъ, во время докторскаго осмотра, она собралась съ духомъ, успокоилась и вела себя благоразумно.

Но вскорѣ ей захотѣлось домой. Къ вечеру ей надо быть дома,—объявила она рѣшительно. При этомъ она тревожно провела тонкою правую руку по грубой ткани постели. Крупныя, тяжелыя слезы текли неудержимо изъ прелестныхъ карихъ дѣтскихъ глазъ по щекамъ, покрытымъ легкимъ горячимъ румянцемъ.

— Ну, вотъ! Твою милую маму мы теперь и извѣстимъ. Пусть она придетъ къ тебѣ.

Дѣвочка вздрогнула, приподнялась и вскрикнула съ ужасомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста нѣтъ! Мама моя не должна знать, что я здѣсь; она не должна меня видѣть здѣсь! Я хочу домой! Ахъ, пожалуйста отпустите меня домой!

Докторъ и сестра переглянулись въ недоумѣніи.

— Развѣ твоя мама такая строгая?—спросила молодая сестра необдуманно.

Дѣвочка откинулась съ обиженной миной на подушки.

— Моя мама такая милая и добрая, — отвѣтила она просто.

Докторъ сдѣлалъ молодой дѣвчкѣ знакъ отойти въ сторону и началъ опять любовно уговаривать свою маленькую пациентку. Вѣдь мать же будетъ тревожиться и бояться, не будетъ знать, куда она пропала.

Но все это дѣвочка уже обдумала.

— До вечера мама не будетъ бояться, — сказала она серьезно и спокойно. — Я была приглашена къ Ирмѣ, и мама позволила мнѣ остаться до девяти часовъ. А вернулась я только оттого, что увидѣла на окошкѣ въ цвѣточномъ магазинѣ кустикъ скороспѣлокъ. Мама такъ любитъ розовыя скороспѣлки. Теперь горшечекъ разбилась, и цвѣты пропали. Но если я только къ вечеру вернусь домой, то не бѣда.

Самымъ твердымъ тономъ, на какой онъ только былъ способенъ, докторъ сказалъ, что нечего и думать вернуться домой къ вечеру. А впрочемъ, у него еще много дѣла. Другіе больные ждутъ. Пора ей кончить и назвать свое имя, какъ того требуетъ порядокъ. Надо же ей матери узнать, что случилось, и ничего тутъ не подблаетъ. Или ей прочесть объ этомъ въ газетѣ? Лучше ли это будетъ?

Дѣвочка сильно встревожилась.

— О, Боже, Боже! Что же мнѣ дѣлать? — воскликнула она, недоумѣвая. — Голубушка мама такъ сокрушается обо всемъ! Вы и представьте себѣ не можете, какая она! Она ужъ и безъ того три дня такъ много плакала. Я это всегда по лицу ея вижу. Если теперь еще случится горе, то она просто не вынесетъ.

Докторъ, все внимательнѣе взглядываясь въ тонкое, разгоряченное отъ волненія личико, сказалъ:

— Дитя мое, ты вѣдь можешь, по крайней мѣрѣ, сказать, какъ тебя зовутъ по имени?

Она подумала и кивнула головой.

— Шарлотта, — сказала она тихо.

— Милая Шарлотта, ну, не хочешь ли ты назвать хоть кого-нибудь изъ своихъ подружекъ, или друзей, или родныхъ, кого мы могли-бы попросить осторожно сообщить твоей матери о случившемся?

Малютка задумалась.

— Нѣтъ! — сказала она, наконецъ, протяжнымъ тономъ и глубоко вздохнувъ.

Вслѣдъ за тѣмъ на щекахъ ея вспыхнули яркія румянецъ, глаза ея засвѣтились, милое выраженіе какой-то застѣнчивости показалось на ея губкахъ.

— Одно такого я знаю.

— Ну, вотъ!

— Но, нѣтъ, нельзя!

— Почему же опять нельзя? Кто это дитя мое, кто? — настаивалъ докторъ.

Она еще подумала съ полминуты и произнесла потомъ, съ какимъ-то своеобразно-нѣжнымъ, стыдливвымъ выраженіемъ:

— Дядя Куртъ!

— Добрый дядя! — воскликнулъ обрадованный докторъ. Вотъ и чудесно! Ему мы сейчасъ же и напишемъ. А онъ ужъ и скажетъ все твоей матери, такъ, чтобы она не перепугалась.

Дѣвочка возразила, съ выраженіемъ задумчивости и глубокой озабоченности:

— Ахъ, нѣтъ, нельзя такъ!

— Да ну! почему же нельзя? да нельзя? — спросилъ докторъ.

— Дядя Куртъ этого не сдѣлаетъ!

— Некогда ему, что ли?

Шарлотта оглянулась, не прислушивается-ли кто изъ сестеръ или изъ ея блѣдныхъ сосѣдокъ на ближайшихъ кроватяхъ. Потомъ подошла до доктора совсемъ близко къ себѣ и шепнула ему довѣрчиво:

— Вамъ я скажу. Только вы никому не говорите. Мама и дядя Куртъ сердятся другъ на друга. Дядя Куртъ никогда больше не придетъ къ намъ, никогда. Оттого мама такъ и горюетъ... Я вѣдь знаю.

— А, такъ оттого...

— Да оттого! — малютка кивнула головой съ очень серьезнымъ видомъ. — Подумайте только, дядя Куртъ такой добрый, онъ такъ любитъ насъ. И мама вѣдь такая милая... И вѣдь они любятъ другъ друга — и все-таки въ воскресенье такъ поссорились! Мама все дрожала и плакала, а дядя Куртъ вдругъ какъ выплыть, какъ выплыть! Онъ такъ можетъ сердиться. Ахъ, Боже, Боже!

Съ успіемъ сдерживая улыбку, молодой докторъ сказалъ:

— Это не хорошо! Не надо такъ дѣлать!

Но этотъ упрекъ показался ей какъ будто бы уже и лишнимъ.

— О, да онъ не такой злой, право нѣтъ! — начала она горячо увѣрять. — Я вѣдь знаю, что всему причиною, хотя и не смѣю показать вида передъ мамомъ. Они вѣдь иногда говорили такъ громко, что какъ я ни затыкала уши, а мнѣ все было слышно, — тихо, совсемъ тихо, пролетала она. — Дядя хочетъ сдѣлаться моимъ папою, а мама думаетъ, что мой папа въ могилѣ можетъ на это разсердиться. Вотъ что.

— А, вотъ что!

— Кромѣ того, мама думаетъ, что дядя беретъ большую обузу на себя. На это дядя такъ ужасно разсердился, совсемъ разсердился. Онъ началъ бранить бѣдную маму, а она сказала, что не можетъ выносить этого, что это ее убьетъ. Она сказала еще, чтобы онъ никогда больше не приходилъ, если хочетъ ее такъ мучить. И онъ ушелъ на всегда. Вотъ оттого и невозможно послать его къ мамѣ, не правда-ли?

Докторъ тотчасъ же энергически рѣшилъ вопросъ.

— Нѣтъ, невозможности тутъ нѣтъ никакой.

— Значитъ, можно такъ сдѣлать? Вы думаете?

— Можно такъ сдѣлать! Вплоть увѣренъ!

— Но какъ мама испугается, когда его увидитъ!

— Ну, объ этомъ ты не безпокойся!

— Но когда она услышитъ, что со мною случилось?

— Это онъ скажетъ ей какъ нельзя осторожнѣе! Можешь на это положиться! Давай-ка, дитя мое, сейчасъ же мы ему и напишемъ!

— Ну, хорошо, если вы такъ позагааете! Но пусть онъ придетъ ко мнѣ прежде чѣмъ идти къ мамѣ. Я должна поговорить съ нимъ.

Не прошло и минуты, какъ у добраго доктора въ рукахъ оказался уже листокъ бумаги и чернильный карандашъ, и онъ тотчасъ же написалъ то, что она продиктовала ему тихо и ясно:

Милый, добрый дядя!

«Меня переѣхали, и я лежу въ больницѣ; у меня сломана рука. А мама ничего не знаетъ. Ахъ, милый, милый дядя, зайди поскорѣе ко мнѣ! Цѣлую тебя крѣпко.

Твоя Шарлотта».

— А адресъ?

Шарлотта еще медлила, точно боясь выдать тайну. Потомъ она сказала, отчеканивая каждый слогъ:

— Господину ротмистру Курту фонъ-Кростицъ, улица императора Фридриха III, бель-этажъ.

Письмо было отправлено съ посыльнымъ и, къ счастью, застало адресата дома. Не прошло и получаса, какъ онъ уже явился. Молодой докторъ былъ еще занятъ въ палатѣ и встрѣтилъ его въ дверяхъ.

Ротмистръ, худощавый, высокій, съ красивымъ смѣлымъ, смуглымъ лицомъ и выразительно блестящими глазами, былъ, видимо, встревоженъ.

Какимъ пожатіемъ руки онъ поблагодарилъ доктора за его успокоительныя слова! Онъ сказалъ, глубоко переведя духъ: «Слава Богу!» — и шагнулъ весело, собираясь произнести какую-нибудь утѣшительную шуточку, къ постели, на которой лежала дѣвочка.

Но видъ блѣдной малютки, въ грубомъ и нестерпимомъ больничномъ бѣльѣ, съ перевязанною рукою, съ мокрой повязкой на головѣ, запахъ хлороформа вокругъ нея, — все это произвело на него потрясающее дѣйствіе.

Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ молча возлѣ кровати, и только нѣжно держалъ ея маленькую здоровую ручку, гладилъ ее по худымъ щекамъ и выбивающимся изъ-подъ компресса шелковистымъ волосамъ. Видно было, что онъ сильно привязанъ къ этому ребенку.

Прошло не мало времени, пока онъ, наконецъ, не началъ ее бранить.

— Что ты надѣлала! Этакій легкомысленный, ужасный ребенокъ!

Она рассказала ясно и толково, какъ произошла вся бѣда, попросила его сходить къ матери и тоже побранила его:

— Какъ это ты долго могъ такъ разсердиться? Какъ ты такъ давеча могъ забывать про насъ?

Объ сказалъ съ горечью:

— Я не хотѣлъ больше приходить къ вамъ. Твоя мама меня вѣдь не любитъ.

— Ахъ, ты! — остановила она его, совсемъ разсердившись.

Затѣмъ послѣдовалъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, шопотомъ, долгій многосодержательный разговоръ. Судорожно рыдая и глотая слезы, она высказала ему такъ много. На сердцѣ у нея было такъ тяжело. Всѣ слезы, которыя ея обожаемая мать пролила за послѣдніе дни, накопились въ немъ. Для Курта-же въ этомъ миломъ, благоразумномъ дѣтскомъ лепетѣ звучало величайшее земное счастье. Свѣтлѣе и яснѣе становилось съ каждымъ словомъ его омраченное лицо.

— И не правда-ли, милѣйшій, добрѣйшій дядя, теперь ты сейчасъ пойдешь къ мамѣ и скажешь ей, знаешь-ли, такъ хорошо, такъ тихо, что со мною случилось, и утѣшишь ее, если ей станетъ грустно, и приведешь ее ко мнѣ? — попросила, наконецъ, малютка задумчивымъ тономъ.

Крѣпко пожавъ ей руку, онъ обѣщалъ все сдѣлать.

Когда онъ ушелъ, маленькая больная погрузилась въ глубокій, горячечный, но тихій сонъ.

Во снѣ она слышала, какъ гдѣ-то вдали звенятъ колокольчики, и видѣла цѣлыя поля розовыхъ скороспѣлокъ подъ свѣтло-голубымъ небомъ. Солнце сіяло, все было такъ свѣтло, такъ счастливо, ея дѣтское горе улетѣло куда-то далеко, далеко.

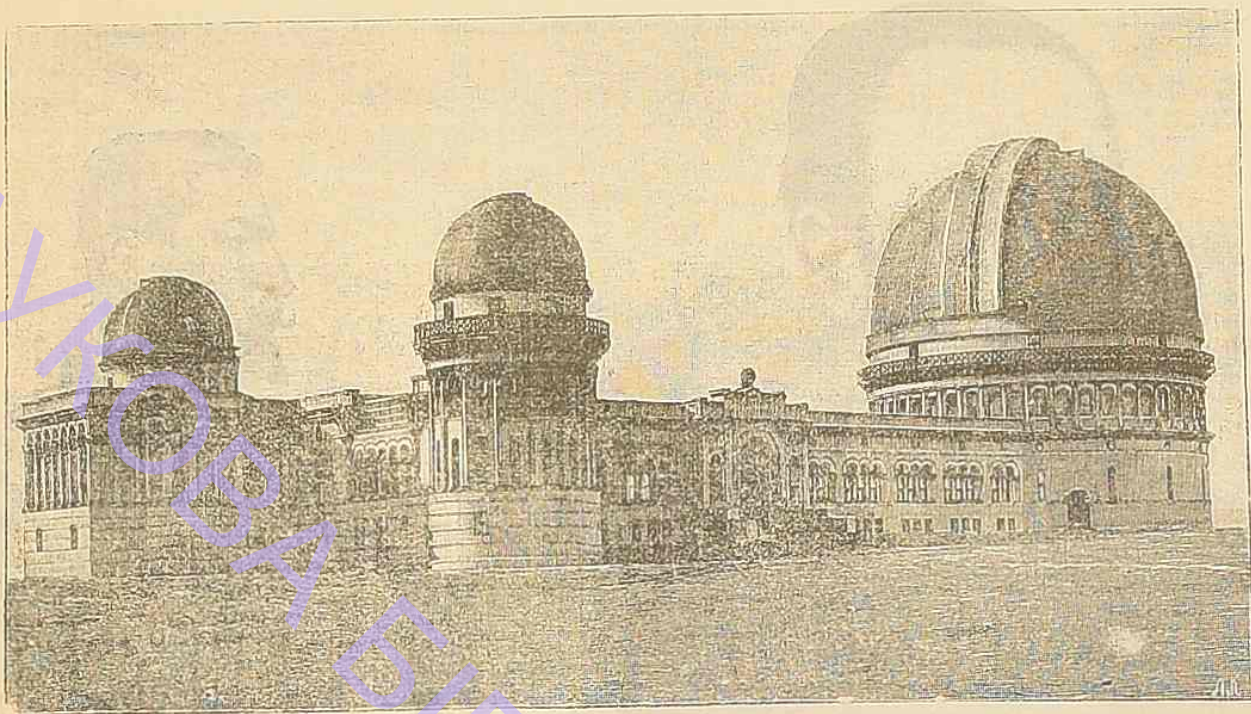
Она съ трудомъ очнулась, когда черезъ нѣсколько часовъ мягкій, тихій, полужаглушенный слезами голосъ окликнулъ ее по имени.

Сперва она слабо улыбнулась.

Сквозь завѣсу горячечнаго бреда она ясно чувствовала, что влѣзъ нея сидитъ мать, и что мать скоро и благополучно избавится отъ того горя, которое теперь испытываетъ.

Голосъ дяди говорилъ ей такъ кротко о скоромъ выздоровленіи. И она отвѣчала ему такъ ласково.

Они уже не сердились другъ на друга.

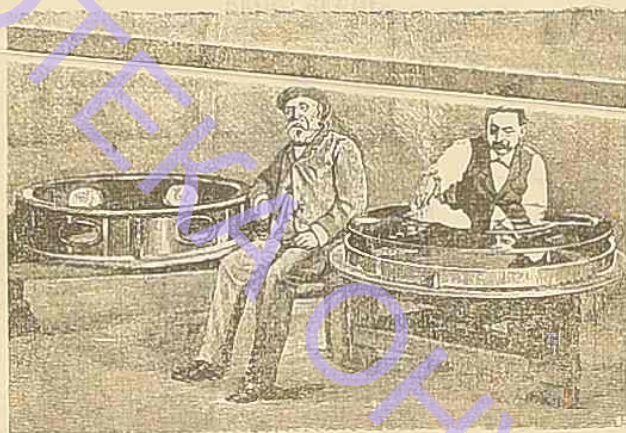

Новая обсерваторія Іеркеса въ Америкѣ.

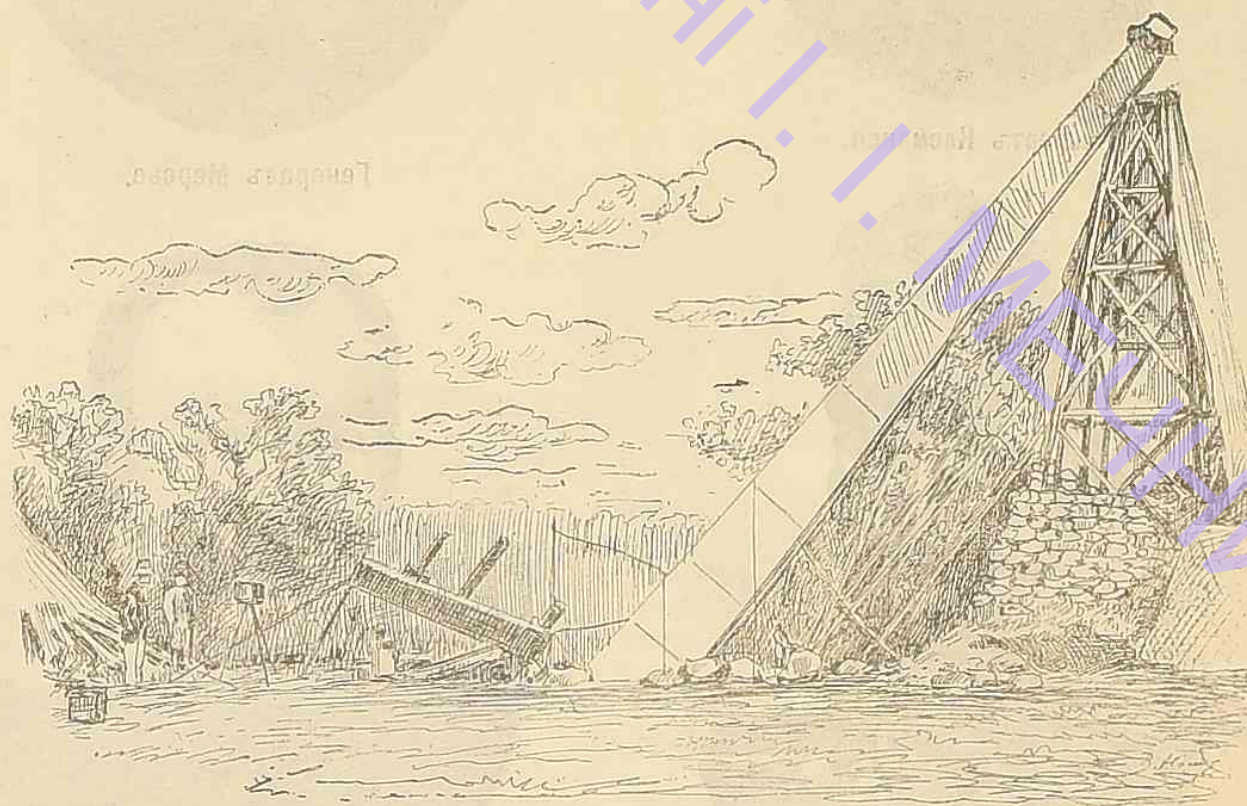
Новая обсерваторія Іеркеса въ Америкѣ и ея телескопъ.

Устроенная недавно въ штатѣ Висконсинъ, въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, на средства чикагскаго милліонера Чарльза Іеркеса, великолѣпная обсерваторія обладаетъ величайшимъ въ мірѣ рефракторомъ, объективъ котораго въ діаметрѣ имѣетъ 40 дюймовъ, при длинѣ трубы въ $62\frac{1}{2}$ фута. Этотъ колоссальный телескопъ вѣситъ около 7.500 пудовъ и установленъ въ особой башнѣ такимъ образомъ, что легко движется по всѣмъ направленіямъ. Главную часть этого, какъ и всякаго другого телескопа, составляетъ его объективъ, такъ какъ отъ совершенства его стекла, т. е. отъ однородности состава послѣдняго, математической правильности кривизны его поверхностей, а равно и отъ большей или меньшей безукоризненности его шлифовки зависитъ оптическая сила всего инструмента. Огромный объективъ телескопа Іеркеса вышелъ изъ рукъ знаменитѣйшаго оптика-телескописта Эльвена Грэма Кларка.

Кларкъ, сынъ механика, родился въ Fall River'ѣ, въ Массачусетѣ, 10 іюля 1832 г. Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ съ помощью отца соорудилъ свой первый зеркальный телескопъ; за нимъ послѣдовали другіе, а въ 1850 г. фирма Кларкъ и сыновья становится извѣстной, какъ специалисты по изготовленію телескоповъ. Отъ зеркальныхъ трубъ Кларки вскорѣ перешли къ постройкѣ рефракторовъ для большихъ телескоповъ и на этомъ поприщѣ въ короткое время достигли необыкновеннаго совершенства. Въ 1861 г. они построили телескопъ съ объективомъ въ $18\frac{1}{4}$ дюйма въ діаметрѣ, размѣрами и оптической силой своей превзошедшій все существовавшіе въ то время астрономическіе инструменты. Съ помощью этого телескопа молодой Кларкъ первый открылъ спутникъ Спіруса, существова-

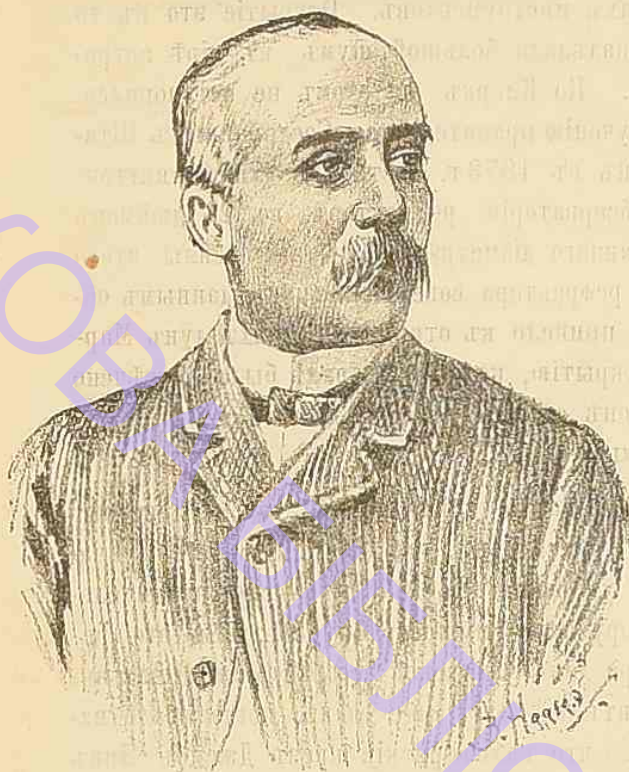
Э. Г. Кларкъ и его помощникъ К. Лондинъ знаменитые изготовители телескоповъ.

Телескопъ обсерваторіи Лика, съ 36-дюймовымъ объективомъ.

ніе котораго теоретически было предсказано Бесселемъ, но который въ дѣйствительности не былъ открытъ ни самимъ Бесселемъ, ни другими астрономами, исключительно въ виду слабости ихъ инструментовъ. Открытіе это въ то время надѣлало большой шумъ въ мірѣ астрономовъ. Но Кларкъ на этомъ не остановился. По порученію правительства Соединенныхъ Штатовъ, онъ въ 1873 г. построилъ для вашингтонской обсерваторіи рефракторъ въ 26 дюймовъ объективнаго діаметра. Испытаніе силы этого новаго рефрактора совершенно неожиданнымъ образомъ привело къ открытію обѣихъ лунъ Марса, — открытію, которое вначалѣ было встрѣчено въ Европѣ съ недоумѣніемъ, до того оно было поразительно.

Слава Кларка, какъ перваго въ мірѣ изготовителя телескоповъ, съ этого времени окончательно упрочена. Въ 1878 г. русское правительство поручаетъ ему постройку 30-дюймаго рефрактора для Пулковской обсерваторіи. Этотъ инструментъ не былъ еще сданъ, когда стало извѣстно, что калифорнскій крезъ Джемсъ Ликъ пожертвовалъ огромную сумму на сооруженіе образцовой обсерваторіи на вершинѣ горы Гамильтонъ, въ Калифорніи. Для подобной обсерваторіи необходимымъ былъ, разумеется, рефракторъ, который съ совершенствомъ объектива соединилъ бы величайшій діаметръ, какого только возможно было достигнуть. Никто, кромѣ Кларка, не могъ взять на себя изготовленіе подобнаго рефрактора, и онъ принялъ отъ Лика заказъ на 36-дюймовый объективъ, но при этомъ въ первый разъ отказался отъ всякаго ручательства за успѣхъ работы. Тѣмъ не менѣе по истеченіи четырехъ лѣтъ инструментъ былъ готовъ и удался вполнѣ. Огромная оптическая сила его вскорѣ сказалась на цѣломъ рядѣ астрономическихъ открытій, изъ которыхъ упомянемъ открытіе Бар-

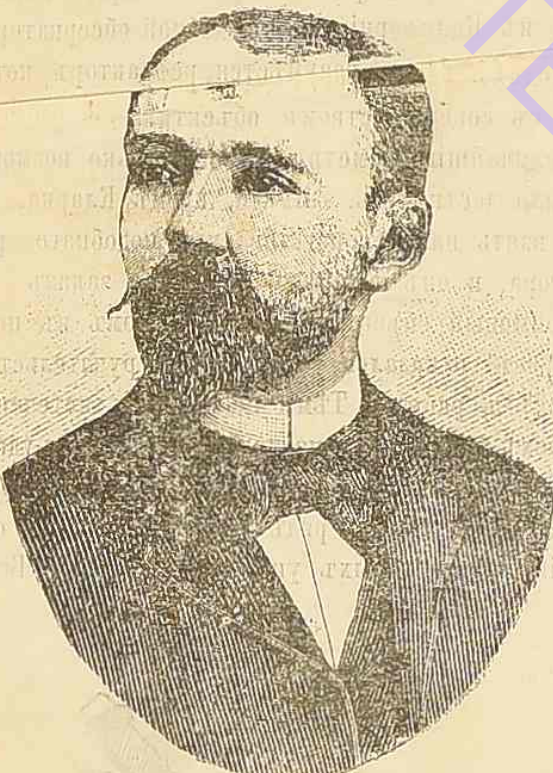
Жоржъ Клемансо.

Эмиль Зола.

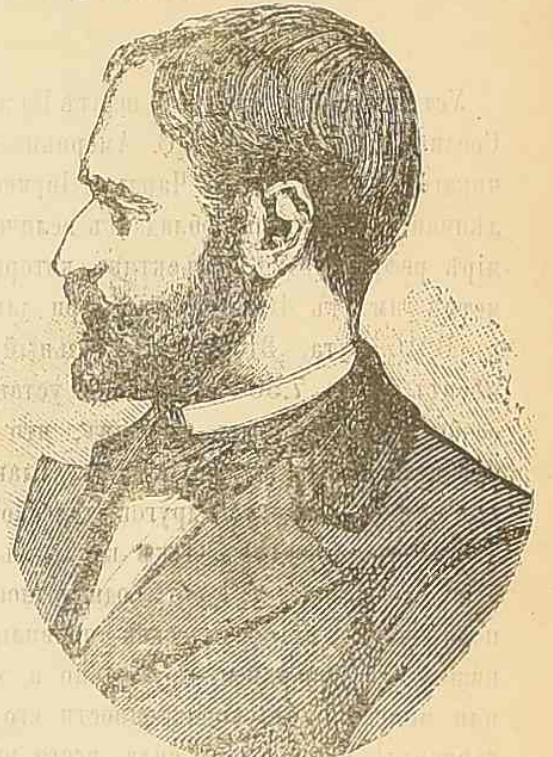
Лабри.

Альбертъ Клемансо.

Генераль Мерсье.

Адвокатъ Леблуа.

Генераль Буадеффръ.]

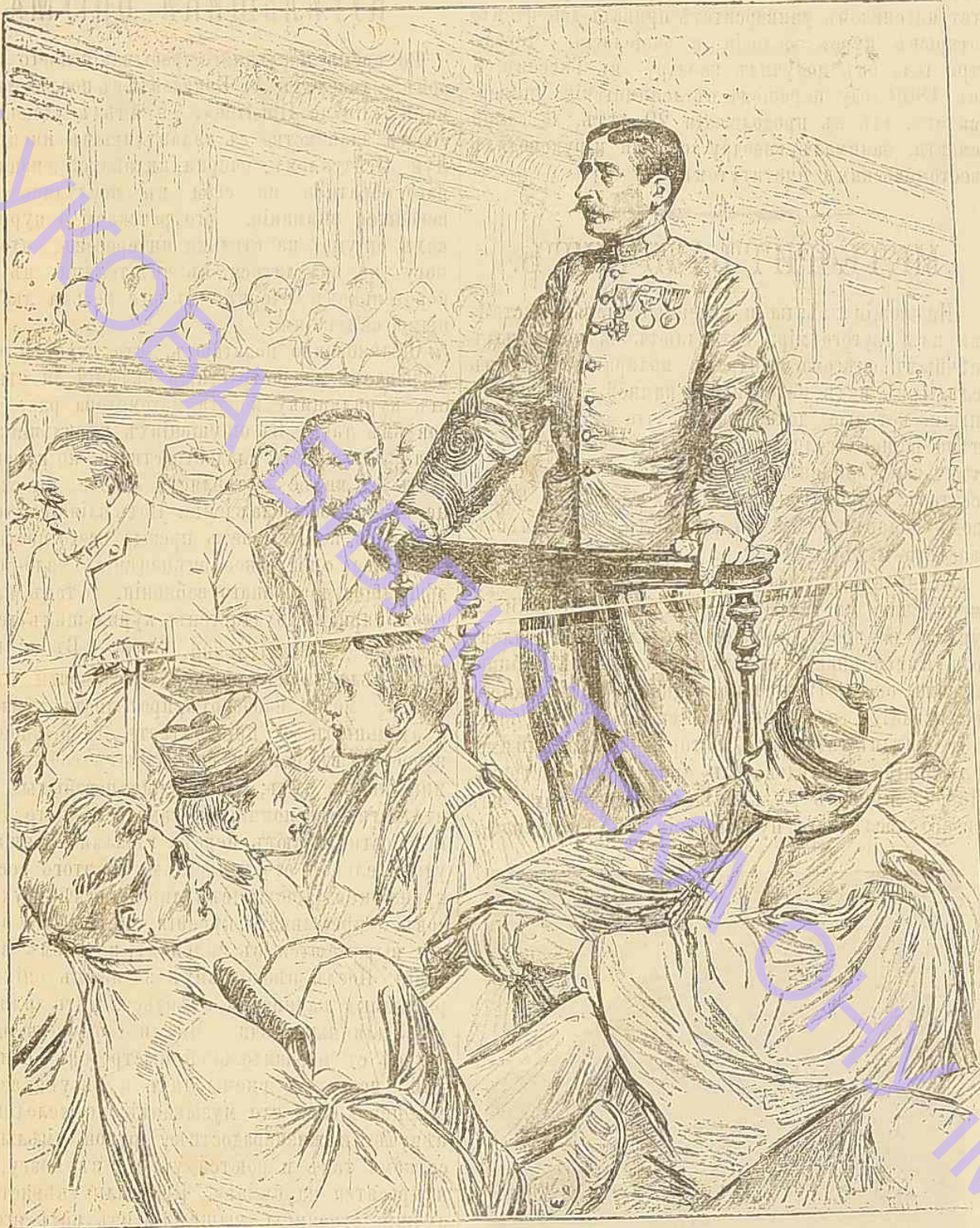

Генераль Пеллье.

Генераль Гонсъ.

ПРОЦЕССЪ ЗОЛА.

Кларку приступить къ изготовленію рефрактора съ 40-дюймовымъ объективомъ. Когда этотъ послѣдній былъ изготовленъ и на испытаніи оказался вполне соответствующимъ тѣмъ ожиданіямъ, какія на него возлагались, Кларкъ, говоря, воскликнулъ, что у него гора свалилась съ плечъ.

Тѣмъ не менѣе онъ не опочилъ на лаврахъ; онъ дѣлалъ уже мысль объ изготовленіи объектива въ 50 или даже въ 60 дюймовъ. Къ сожалѣнію, до осуществленія этой мысли онъ не дожилъ: 9-го іюня прошлаго года онъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

Имя Кларка остается на-всегда связаннымъ съ величайшими успѣхами, достигнутыми астрономіей въ истекающемъ столѣтіи. На прилагаемомъ рисункѣ, воспроизведенномъ съ фотографическаго снимка, мы видимъ Кларка сидящимъ среди огромныхъ металлическихъ оправъ своего величайшаго объектива, о-бокъ со своимъ многолѣтнимъ помощникомъ, Карломъ Лондиномъ, занятымъ чисткой стекла, которое, прибавимъ кстати, одно безъ оправы вѣситъ 625 пудовъ.

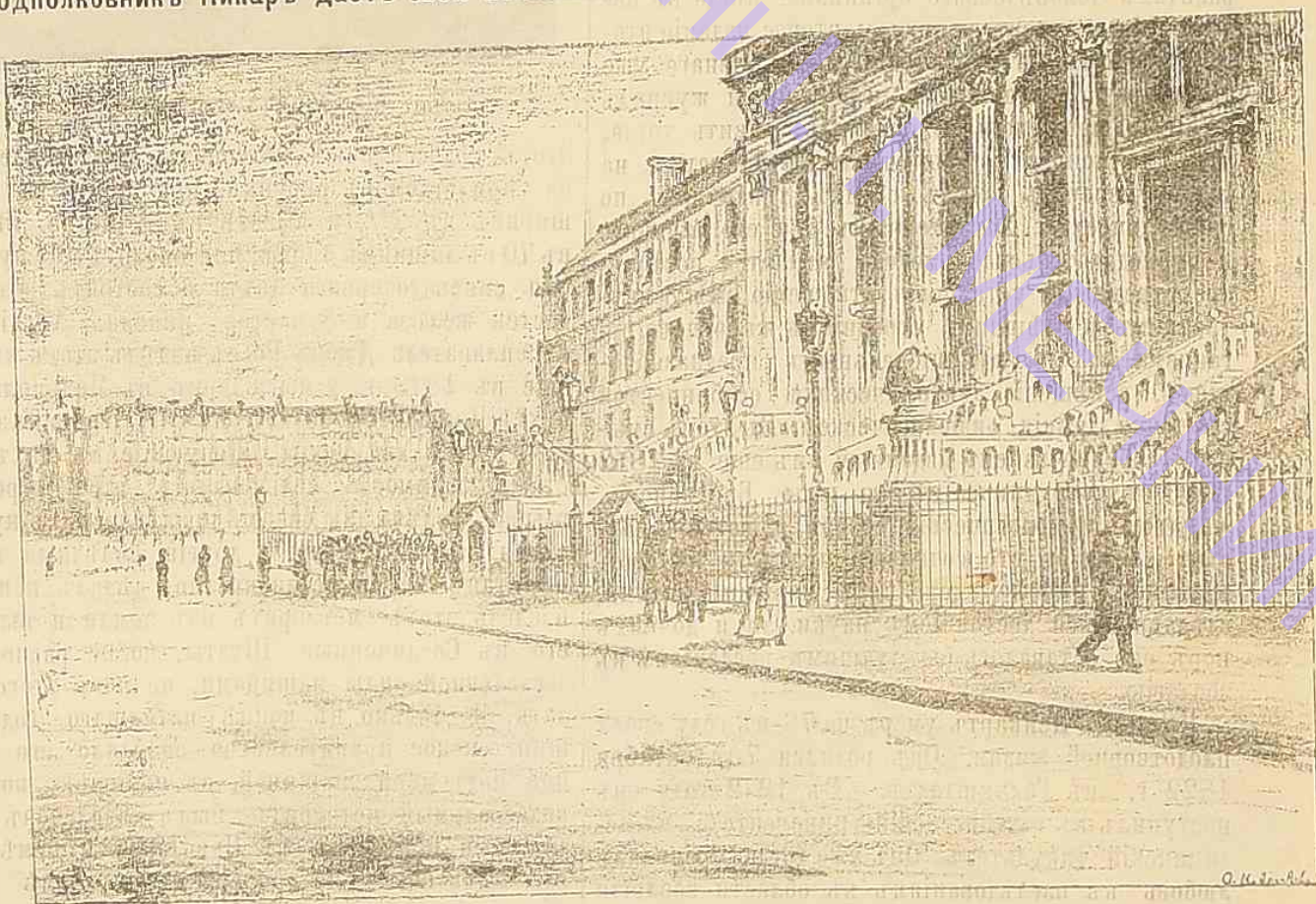
Обсерваторія Геркеса, предназначенная главнымъ образомъ служить для астрономическихъ наблюдений, является богатѣйшей и самой совершенной по устройству въ цѣломъ мірѣ. Это огромное, величественное зданіе, въ формѣ романскаго креста. Колоссальный рефракторъ установленъ подъ большимъ вращающимся куполомъ западнаго крыла зданія. По витой лѣстницѣ поднимаются къ круглой платформѣ въ 75 футовъ въ діаметрѣ, съ которой производится наблюденія и на которой помѣщены машины, приводящія въ движеніе огромный телескопъ.

Процессъ Зола. — Засѣданіе ассизнаго суда. — Подполковникъ Пикарь даетъ свои показанія.

найдомъ пятого спутника Юпитера, въ астрономическихъ кругахъ всего міра произведшее еще гораздо большую сенсацію, чѣмъ открытіе спутниковъ Марса. Прибавимъ еще, что этотъ 36-дюймовый рефракторъ обошелся Лику въ 196.000 руб., изъ коихъ одно стекло объектива стоило нѣсколько больше половины, т. е. около ста тысячъ рублей.

Недолго однако гигантскій инструментъ этотъ пользовался славой перваго въ мірѣ телескопа. Вскорѣ по окончаніи работъ на горѣ Гамилтонъ, одинъ чикагскій милліонеръ, упомянутый выше Чарльзь Геркесъ, задумалъ основать новую обсерваторію, рефракторъ которой размѣрами своими превосходилъ-бы еще гамилтонскій. Такъ какъ къ тому времени въ мастерскихъ Кларка имѣлось два стекла, пригодныхъ для объектива въ 40 дюймовъ, а въ то-же время достиженіе еще большаго діаметра казалось Кларку весьма сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ потребовало-бы многихъ лѣтъ работы, то Геркесъ поручилъ

Процессъ Зола. — «Дворецъ юстиціи» гдѣ разсматривался процессъ.

Рудольф Лейкартъ,
знаменитый зоологъ. (6 февраля 1898 г.)

Рудольфъ Лейкартъ.

6-го февраля въ Лейпцигѣ скончался знаменитый зоологъ и физиологъ Рудольфъ Лейкартъ. Для науки вообще, для той области, которую покойный сдѣлалъ своею спеціальностью, и для его многочисленныхъ учениковъ, разбѣянныхъ по всему земному шару—смерть Лейкарта—тяжелая незамѣнимая потеря.

Кто имѣлъ счастье студентомъ слушать лекцій Лейкарта, тотъ знаетъ, что это были образцы ораторскаго искусства, — не говоря уже о поразительномъ обиліи содержанія въ нихъ, — и это исключало возможность утомленія слушателей. Для него чтеніе лекцій было не скучной обязанностью, отрывающей отъ ученыхъ занятій, а потребностью дѣлиться съ другими избыткомъ знаний, произвольной общительностью богато одаренной натуры.

Изъ его ученыхъ работъ наиболее извѣстно его капитальное, многотомное изслѣдованіе о паразитахъ челоѵческаго организма. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ появилось второе изданіе этого замѣчательнаго сочиненія, слава ученаго уже была прочно установлена, и англійскій журналъ «Veterinarian» могъ не обинуясь заявить тогда, что «на поприщѣ гельминтологіи Лейкартъ на голову переросъ всѣхъ своихъ товарищей по спеціальности». Характернымъ для его научнаго и преподавательскаго метода является постоянное стремленіе установить отношеніе между внутреннимъ и вѣшнимъ строеніемъ животнаго организма и его функциональнымъ предназначеніемъ, освѣщеніе анатомическихъ особенностей съ точки зрѣнія физиологической. Въ этомъ смыслѣ особенно цѣненъ изданный имъ еще въ 1852 году, въ сотрудничествѣ съ проф. Бергманомъ, «Анатомо-физиологическій обзоръ животнаго царства». Если-бъ это сочиненіе привести въ соотвѣтствіе, вѣриче—дополнить новыми фактами, сдѣлавшимися достояніемъ науки, то и до сихъ поръ оно оставалось бы лучшимъ введеніемъ въ зоологію.

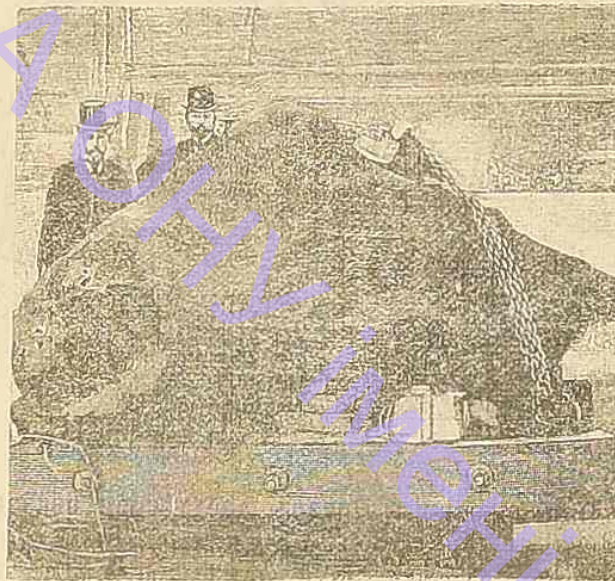
Рудольфъ Лейкартъ умеръ на 76-мъ году своей плодотворной жизни. Онъ родился 7-го октября 1822 г. въ Гельмштадтѣ. Въ 1842 году онъ поступилъ въ геттингенскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Онъ уже тогда проявлялъ любовь къ изслѣдованіямъ въ области зоологіи и главнымъ образомъ отдался изученію этого предмета. Въ 1845 году онъ получилъ доктор-

скій дипломъ и черезъ два года выступилъ въ геттингенскомъ университетѣ приватъ-доцентомъ, открывъ курсъ зоологіи и физиологіи. Черезъ три года онъ получилъ кафедру въ Гиссенѣ, а въ 1869 году перешелъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ въ продолженіи 29 лѣтъ, до самой смерти, занималъ кафедру зоологіи и руководилъ зоотомическимъ институтомъ.

МЕТЕОРИТЪ-ГИГАНТЪ.

Падающія звѣзды и огненные шары, вѣстники изъ другого міра, оставляютъ на покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ тундрахъ полярныхъ странъ слѣды въ видѣ метеорныхъ камней и желѣзной пыли, которые доказываютъ, что всѣ небесныя тѣла нашей солнечной системы состоятъ изъ тѣхъ-же элементовъ, что и наша земля: въ составъ метеоритовъ входитъ главнымъ образомъ сплавъ желѣза съ никелемъ, съ примѣсью фосфора и сѣры.

Величайшимъ метеоритомъ до послѣдняго времени считался тотъ, который въ іюлѣ 1866 г. упалъ во время каменнаго дождя неподалеку отъ Кянгининскаго поселка, въ сѣверной Сибири, вѣсомъ около 19 пудовъ. Однако этотъ камень оказывается игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ метеоритомъ-гигантомъ, который извѣстный американскій изслѣдователь полярныхъ странъ, Перри, привезъ въ концѣ прошлаго года изъ своего послѣдняго путешествія въ Гренландію.

Метеоритъ-гигантъ

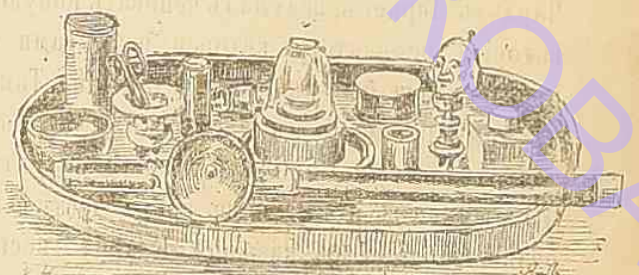
Этотъ колоссальный метеоритъ, представленный на прилагаемомъ рисункѣ, при длинѣ въ $3\frac{1}{2}$ ширинѣ въ $2\frac{1}{2}$ и высотѣ въ 2 метра, вѣсомъ въ 70 съ лишнимъ тоннъ, или около 4400 пудовъ. Онъ синевато-чернаго цвѣта и состоитъ изъ 92 частей желѣза и 8 частей никеля. Англійскій мореплаватель Джонъ Россъ видѣлъ этотъ камень еще въ 1818 г. у мыса Юркъ, въ Мельвильской бухтѣ. При паденіи своемъ онъ погрузился въ землю на цѣлыхъ два метра. Кочующіе въ тѣхъ мѣстахъ эскимосы пользовались этой огромной глыбой желѣза для своихъ практическихъ нуждъ, дѣлая изъ него ножи и другія желѣзные вещи. Капитанъ Перри неоднократно дѣлалъ попытки извлечь этотъ метеоритъ изъ земли и вывезти его въ Соединенные Штаты, но, не располагая достаточной силой машинами, не могъ этого сдѣлать. И только въ концѣ истекшаго года вашигтонское правительство снабдило его сильной подъемной машиной, съ помощью которой колоссальный метеоритъ былъ извлеченъ изъ земли, и привезенъ въ Нью-Йоркъ и помѣщенъ въ естественно-историческомъ музеемъ этого города.

КУРИЛЬЩИКИ ОПИУМА.

Во время послѣдняго пребыванія моего въ Тулонѣ,—говоритъ А. Бриссонъ въ послѣднемъ номерѣ «Revue Illustrée»,—я имѣлъ удовольствіе свести знакомство съ талантливымъ писателемъ Луи Пейтралемъ, очерки китайской жизни котораго обратили на себя въ послѣднее время всеобщее вниманіе. Его рассказъ о курильщикахъ опиума на столько интересенъ, что я не могу не подѣлиться съ читателями въ этомъ коротенькомъ очеркѣ съ его весьма любопытными свѣдѣніями.

Обыкновенно полагаютъ, что куреніе опиума вызываетъ сладострастныя видѣнія и открываетъ курильщику ворота магометова рая. Это не совсемъ такъ. Въ ощущеніяхъ курильщика опиума нѣтъ ничего сладострастнаго, но куреніе его тѣмъ не менѣе доставляетъ особое, ни съ чѣмъ не сравнимое наслажденіе. Подъ вліяніемъ опиума челоѵкъ испытываетъ прежде всего постепенно растущее физическое оцѣпенѣніе, мало-по-малу доводящее до полнаго забвенія, до такъ называемой Nirваны буддистовъ; курильщикъ теряетъ сознаніе дѣйствительной жизни. Въ то время, какъ тѣло лишено всякой способности къ движенію, мозгъ, наоборотъ, проявляетъ усиленную дѣятельность и пріобрѣтаетъ необыкновенную ясность; въ памяти всплываютъ событія давно минувшихъ лѣтъ; совершенно позабытыя обстоятельства, воспоминанія самаго ранняго дѣтства и юности встаютъ передъ глазами курящаго съ удивительной отчетливостью. Но этого состоянія курильщикъ достигаетъ лишь послѣ двухъ часовъ непрерывнаго куренія. Первые же ощущенія выражаются въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Послѣ нѣсколькихъ затяжекъ опиума курильщикъ начинаетъ смѣяться, пѣть или говорить длинныя рѣчи. Мысли слѣдуютъ одна за другой съ поразительной быстротой. Если курящій—поэтъ, то рѣчи такъ и бѣгутъ изъ подъ его пера; если это музыкантъ, то мелодіи, одна нѣвучье и жизнерадостнѣе другой, цѣлыми десятками такъ и роются у него въ мозгу, такъ и просятся на бумагу. Пейтраль увѣряетъ, что лучшія страницы, вышедшія изъ подъ его пера, написаны имъ во время куренія опиума.

Приборъ для куренія, въ томъ видѣ, какъ онъ въ употребленіи въ Китаѣ и Индіи, состоитъ изъ семи предметовъ, собранныхъ на особомъ подносіи и изображенныхъ на прилагаемомъ при семъ рисункѣ. Приготовленіе опиума для куренія состоитъ въ слѣдующемъ. Капля полужидкаго опиума на остріѣ длинной стальной иглы подвергается нагрѣванію на особой лампочкѣ и медленнымъ поворачиваніемъ иглы доводится до полутвердаго состоянія. Эту ступенчатую каплю снимаютъ затѣмъ съ иглы, разминаютъ на плитѣ или камнѣ и опускаютъ въ трубку. Во время куренія, изъ трубки, разогрѣваемой надъ той же лампочкой, выдѣляются пары, медленное вдыханіе которыхъ производитъ описанное выше дѣйствіе.

Трубка и принадлежности для куренія опиума.

Приготовление опиума для куренія.

СМЕРТНОСТЬ ВЪ ЕВРОПѢ И РОССИИ

Необходимо прежде всего констатировать тот фактъ, что известная доля смертности должна быть отнесена на счет пренебреженія, съ которымъ относятся къ человеческому существованію. Въ трудахъ какъ отдельныхъ людей, такъ и цѣлыхъ странъ и всего человечества имѣютъ, безъ сомнѣнія, одну цѣль — поддержаніе человеческой жизни, т. е. невозможное отдаленіе того конца, который называется смертью. Но на вопросъ, на сколько сознательно и разумно мы стремимся къ этой цѣли, насколько для ея достиженія мы исчерпываемъ все возможные средства, слѣдуетъ дать весьма неопредѣленный, если даже не отрицательный отвѣтъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ высокій процентъ смертности, который господствуетъ въ большинствѣ культурныхъ странъ. Конечно, ни физиологія, ни статистика не даютъ намъ никакихъ матеріаловъ для опредѣленія того, что можно было бы называть *нормальной* смертностью, т. е. такой смертностью, которая необходима при самыхъ выгодныхъ условіяхъ человеческой жизни. Но, если во всѣхъ странахъ, во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ профессіяхъ мы находимъ хотя бы незначительный контингентъ лицъ обоого пола, доживающихъ до 80 и выше лѣтъ, то не имѣемъ ли мы основанія думать, что продолжительность жизни лѣтъ въ 80 съ лишнимъ для всего человечества — вовсе не утопія? Между тѣмъ въ 11 государствахъ западной Европы людей въ возрастѣ свыше 80 лѣтъ мы не находимъ и цѣлаго процента (всего ихъ имѣется 0,063 проц.). И это объясняется ненормально высокимъ процентомъ смертности въ западно-европейскихъ странахъ.

Если мы говоримъ о смертности, то нужно имѣть въ виду, что не во всѣхъ странахъ она выражается одинаковой цифрой.

Показатель смертности сильно колеблется по разнымъ странамъ, достигая въ минимумъ 16, а въ максимумъ 34. Максимумъ выпадаетъ на Европейскую Россію, гдѣ смертность сильнѣе, чѣмъ въ Норвегіи, дающей минимумъ смертныхъ случаевъ болѣе, чѣмъ въ 2 раза. Если показатель смертности въ 25 принять за норму средней смертности въ современной Европѣ, то окажется, что Россія, Венгрія, Австрія, Испанія и Италія должны быть отнесены къ *неблагополучнымъ* государствамъ; Германія и Португалія къ *почти благополучнымъ*; Франція, Голландія и Бельгія — къ *благополучнымъ*; Швейцарія,

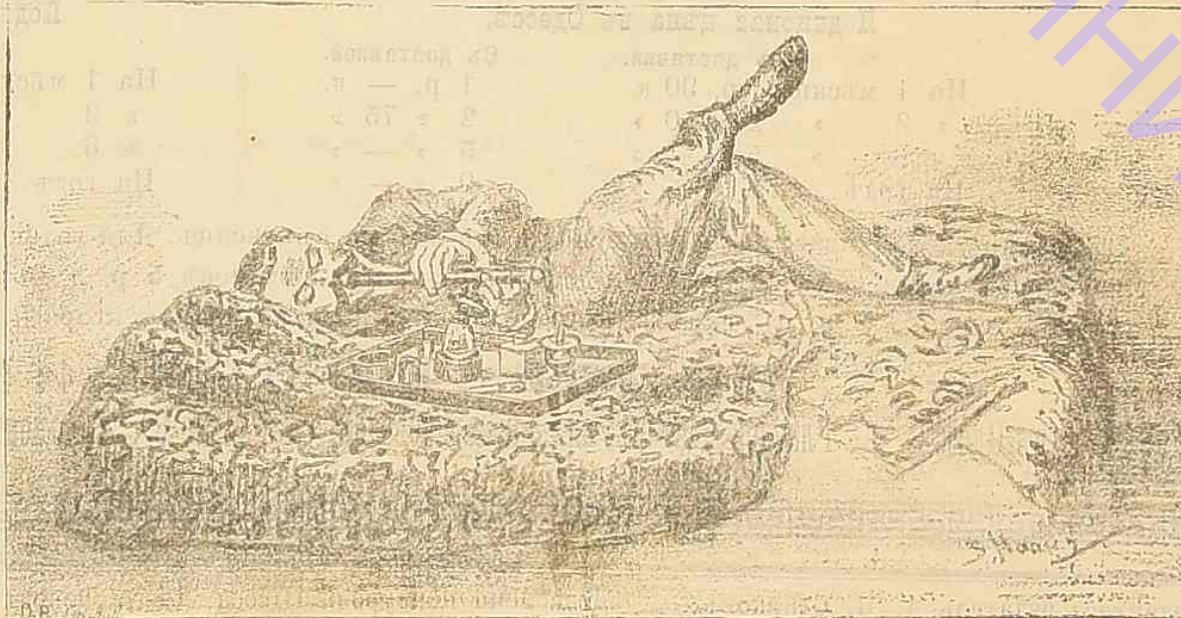
Данія, Великобританія, Швеція и Норвегія — къ *очень благополучнымъ* государствамъ.

Какими условіями объясняется это распредѣленіе европейскихъ странъ по степени смертности? Что тутъ не играютъ рѣшающей роли ни естественныя, ни историческія особенности страны, доказываетъ слѣдующее. Мы имѣемъ передъ собою таблицу смертности въ центральныхъ городахъ разныхъ странъ. Крупные города считаются наиболѣе вредными для жизни. Люди здѣсь живутъ слишкомъ густо, имѣютъ слабое соприкосновеніе съ природой, лишены чистаго воздуха и т. д. Кромѣ того борьба за существованіе въ крупныхъ городахъ труднѣе, чѣмъ въ деревнѣ, и обставлена менѣе удобно. Слѣдовало бы поэтому думать, что въ крупныхъ городахъ смертность выше, чѣмъ въ государствахъ вообще. Въ дѣйствительности мы видимъ какъ разъ обратное. Такъ, въ Берлинѣ смертность почти на 4% ниже чѣмъ въ Германіи (23, сравнительно съ 24, для Германіи), въ Будапештѣ на 9% ниже, чѣмъ въ Венгріи, въ Вѣнѣ даже на 27% ниже, чѣмъ въ Австріи, въ Петербургѣ почти на 30% ниже чѣмъ въ Россіи. Это странное, на первый взглядъ, противорѣчіе имѣетъ объясненіе, которое проливаетъ свѣтъ на наиболѣе важныя причины высокой смертности.

Если города, раздѣляя со всей страной естественныя и историческія неудобства, — когда таковыя имѣются, — кромѣ того располагаютъ неудобствами, имъ однимъ свойственными, то съ другой стороны, они имѣютъ такія удобства,

которыхъ нѣтъ во всей странѣ, и именно эти удобства вліяютъ на пониженіе уровня смертности. Эти удобства суть — канализація и всѣ другія техническія приспособленія для оздоровленія городовъ, достаточная обеспеченность населенія медицинской помощью, надзоръ за санитарнымъ состояніемъ дворовъ и жилищъ городской бѣдноты, помощь бѣднымъ въ случаѣ матеріальныхъ затрудненій, высшій культурный уровень городского населенія и т. д. Какъ сильно все это вліяетъ на сокращеніе смертности, можно видѣть на Одессѣ. Послѣднія 20 лѣтъ этотъ городъ какъ въ смыслѣ городского благоустройства, такъ и въ смыслѣ заботъ о населеніи и, главное, о поднятіи его умственного уровня, сдѣлалъ значительные успѣхи, и вотъ смертность здѣсь сильно сокращается съ каждымъ годомъ. Но Одесса всѣ свои заботы сосредоточиваетъ на своихъ центрахъ, и поэтому то въ центральныхъ частяхъ города смертность крайне низка, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ она достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Такъ, если судить по тѣмъ записямъ умершихъ, которыя удалось распредѣлить по мѣсту жительства послѣднихъ, то за 17 лѣтъ въ центральныхъ частяхъ города умерло въ среднемъ на 1000 чел. населенія: въ Бульварномъ участкѣ 13, и въ Херсонскомъ 16,; наоборотъ, въ отдаленныхъ частяхъ города была такая смертность: въ Александровскомъ участкѣ 19, въ Михайловскомъ 20, въ Петропавловскомъ 25, и Пересыпскомъ и на Слободкѣ-Романовкѣ 41,7. Въ послѣднихъ участкахъ въ дѣйствительности смертность была еще выше, такъ какъ они поставляютъ главнымъ образомъ кліентовъ разнымъ больницамъ, по преимуществу городской, которая находится въ Херсонскомъ участкѣ; такъ что умершіе въ этой больницѣ поднимаютъ смертность Херсонскаго участка, не смотря на то, что причина ихъ смерти, конечно, связана съ тѣми участками, въ коихъ они жили до болѣзни.

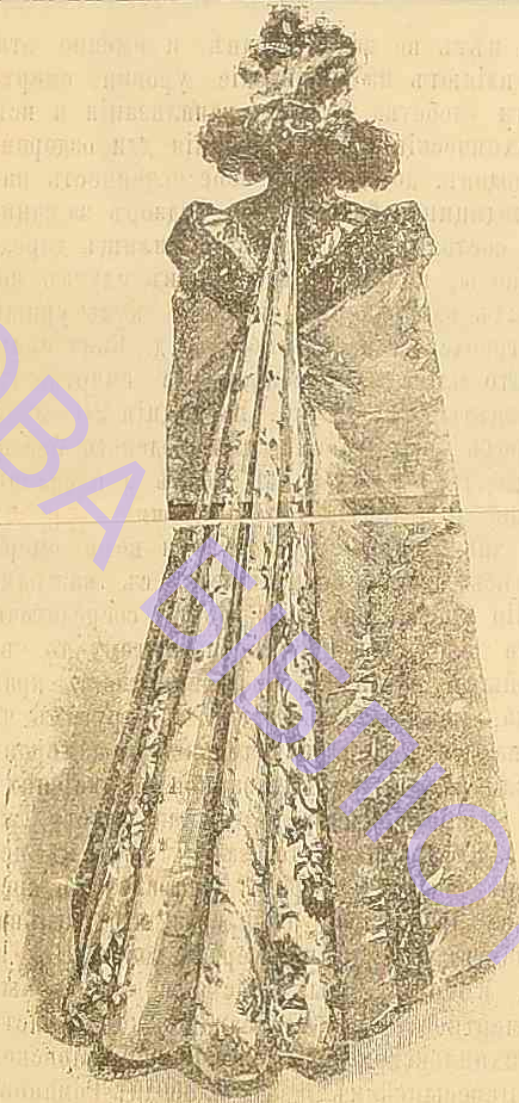
Вопросъ о борьбѣ съ высокимъ уровнемъ смертности весьма важенъ. Если Россія теряетъ ежегодно 34½ человека на 1000 душъ населенія, то населеніе Россіи должно обновляться каждыя 30 лѣтъ. Это значитъ, что каждый человекъ въ Россіи имѣетъ шансы прожить только 30 лѣтъ. Не говоря о томъ что это вовсе не утѣшительно для каждаго человека въ отдельности, но въ какомъ состояніи должно находиться народное хозяйство страны, которая лишается своихъ работниковъ, едва они достигаютъ зрѣлости? Теперь посятся упорные слухи объ учрежденіи въ Россіи министерства народнаго здравія. После всего сказаннаго, вѣдь ли слѣдуетъ сомнѣваться въ громадной важности такого министерства для нашего отечества. С. 3.

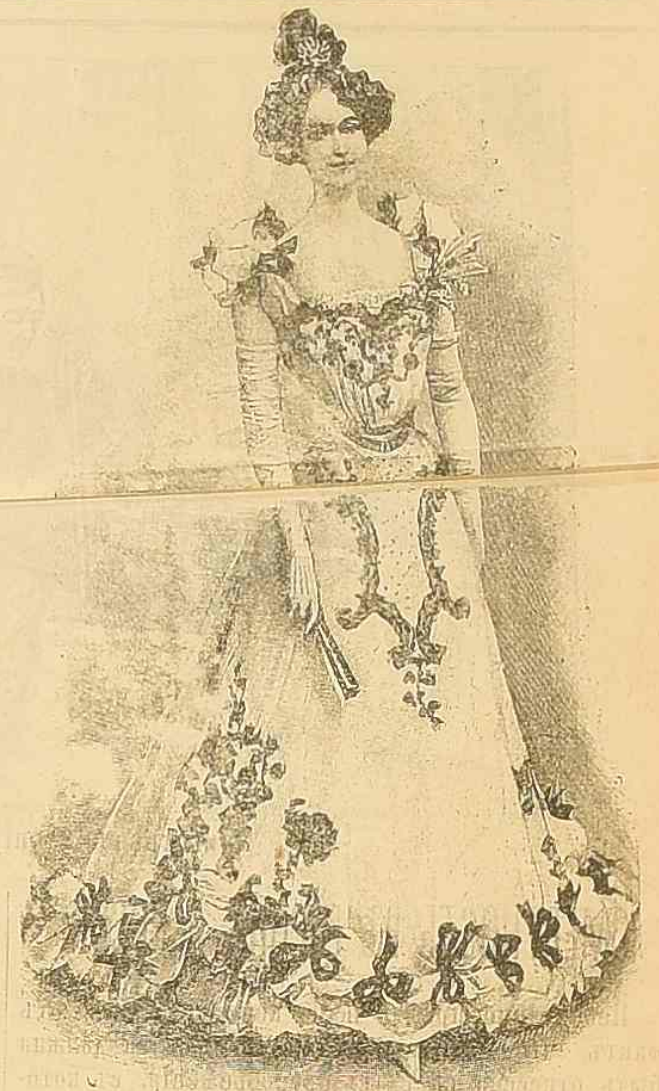
Курящій опиума.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Вліяніе одежды на дикарей.—Лишь только европейская цивилизация коснется какого-либо дикаго племени,—будь то австралийскіе полинезійцы или африканскіе зулусы,—она прежде всего предъявляет къ дикарю требованіе, чтобы онъ одѣлся. Несомнѣнно, что одѣяніе—вещь хорошая и необходимая тамъ, гдѣ она привилась вѣками; но для племени, живущихъ подъ тропиками, не привыкшихъ никогда прикрывать одеждою тѣло,—европейская одежда, которая и для насъ-то самихъ бываетъ не всегда ригиенчна, является иногда прямо-таки вредною для здоровья и даже смертною. Даже водка не такъ вредна для тропическихъ племенъ, какъ наши европейскіе костюмы. Кожа дикарей своею твердостью и выносливостью не уступаетъ вѣтриной и издавна привыкла ко всякимъ температурнымъ и атмосфернымъ колебаніямъ. Индѣецъ или негръ и не знаетъ ни о томъ, что такое простуда, до тѣхъ поръ, пока не надѣнетъ на себя какой-либо одежды. Съ этой поры кожа его уже утрачиваетъ способность приспособляться ко всякой температурѣ, потъ перестаетъ высыхать съ прежнею быстротою, свойственный дикарю жировой тонкій слой на кожѣ совершенно исчезаетъ, и естественнымъ послѣдствіемъ всего этого является жестокая простуда. А это уже обыкновенно бываетъ началомъ конца. Дикарь не умѣетъ ни беречь свое здоровье, ни лечиться, когда заболѣетъ; простуда обыкновенно быстро поражаетъ легкія, и больной постепенно угасаетъ. Многія красивѣйшія, сильнѣйшія дикія расы совершенно выродились физически, и все это только потому, что были вынуждены одѣваться по образцу европейскихъ народовъ. Туземцы Сандвичевыхъ острововъ, напримеръ, сотнями умираютъ отъ чахотки и отъ воспаления легкихъ съ тѣхъ поръ, какъ стали носить непривычную и малопригодную въ ихъ климатическомъ положеніи одежду.

Манто.

Вечерній туалеть.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1898 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, НАУЧНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

Въ текущемъ году, между прочимъ, будутъ напечатаны въ «Одесскихъ Новостяхъ» ДВА БОЛЬШИХЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РОМАНА нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ:

- 1) „ПЕКЛО“, романъ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО и
- 2) „ДѢТИ СОЛНЦА“, романъ въ 2-хъ частяхъ И. Н. ПОТАПЕНКО.

Подписная цѣна въ Одессѣ.

Безъ доставки.		Съ доставкой.
На 1 мѣсяць	— р. 90 к.	1 р. — к.
» 3	» 2 » 50 »	2 » 75 »
» 6	» 5 » — »	5 » — »
На годъ 8 » — »	9 » — »

Подписная цѣна съ пересылкой

въ города:	
На 1 мѣсяць 1 р. 10 к.
» 3	» 3 » — »
» 6	» 5 » 50 »
На годъ 10 » — »

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА во взносъ подписной платы—для иногороднихъ: при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 5 р.; для городскихъ при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Одессѣ—въ Главной конторѣ на Ланжероновской ул., д. № 30. Телефонъ № 230. Редакція помѣщается тамъ-же.